

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный республиканский центр русского фольклора

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ
И ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ —
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных статей

Москва
2015

УДК 398.33+394.861
ББК 42.3ф
Р42

Редакционная коллегия
М. В. Ахметова (ответственный редактор), **О. В. Белова,**
А. Б. Мороз, Н. С. Петрова

Редакционно-издательский совет
М. В. Ахметова, В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова,
А. В. Ефимов (председатель), **Э. Р. Жукова, А. Б. Ипполитова,**
О. А. Ключникова, Н. Е. Котельникова, А. Г. Кулешов,
М. В. Строганов, А. И. Шилин

Научный редактор
С. Н. Амосова

Р42 Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы: Сборник статей / Ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. — 296 с.

ISBN 978-5-86132-047-0

В сборнике публикуются материалы научной конференции «Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы», прошедшей в Москве 23–25 октября 2014 г.

Вошедшие в сборник статьи посвящены проблематике, связанной с ареальными исследованиями в фольклористике, этнолингвистике и этномузыкологии. В статьях рассматриваются региональная специфика фольклора и народной культуры, этнокультурные диалекты, лингвокультурное пограничье, этноконфессиональная и локальная идентификация.

Издание предназначено фольклористам, этнологам, этнолингвистам, славистам, этномузыкологам, религиоведам, а также широкому кругу читателей, интересующихся традиционной культурой славянских народов.

УДК 398.33+394.861
ББК 42.3ф

ISBN 978-5-86132-047-0

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015
© Коллектив авторов, 2015

И. С. СЛЕПЦОВА
(МОСКВА)

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ: ОБРЯДОВЫЕ КОСТРЫ¹

Аннотация. В статье на основе материалов полевых исследований на Русском Севере рассмотрены традиционные практики разжигания костров, приуроченные к календарным праздникам и обрядам, их морфология и семантика, а также их аналоги в семейной обрядности. Особое внимание уделено роли этих практик как маркирующих признаков при выделении локальных разновидностей традиционной культуры русских.

Ключевые слова. Этнография русских, культурная география, календарные праздники и обряды, семейные обряды, локальные культуры и традиции, обрядовые огни, Русский Север.

Сведения об авторе. Ирина Семеновна Кызласова (Слепцова), старший научный сотрудник Отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН.

В современных гуманитарных науках — фольклористике, этнологии — сложилось понимание народной культуры как системы локальных традиций и культур (обзор литературы см.: Путилов 1994, Черных 2007; Корепова 2009; Морозов 2015 и др.). Понятие «локальная культура» получает содержательное наполнение в процессе выявления особенностей того или иного этнокультурного комплекса. Специфические черты могут иметь как большие, целостные обрядовые или празднично-игровые акции, так и их отдельные ключевые элементы. Эти различия могут проявляться на уровне предметного, акционального или вербального кода, т.е. структурно и содержательно близкие акции могут наполняться существенно разным текстовым и предметно-вещным контентом и иметь разную прагматику именно вследствие суще-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15–01–00379 «Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов».

ственной разницы социокультурных контекстов, которые во многом и определяют локальную специфику данного культурного типа.

Локальные разновидности того или иного явления могут быть регламентированы самыми разными причинами. Этим, в свою очередь, может определяться тип акций, сходных по содержанию, но организованных по-разному. Наличие локальных особенностей зависит от конкретных историко-культурных процессов — истории заселения, этнокультурных, социокультурных взаимодействий, процессов социальных преобразований, характерных для переломных эпох: пореформенное время, первый послереволюционный период, колхозное строительство, военный и послевоенный период и т.д. (Слепцова 2015). При этом встает вопрос о репрезентативности тех или иных элементов в качестве отличительного признака локальной культуры.

В данной статье мы ставим перед собой задачу выявить и проанализировать отличительные признаки, которые могут помочь выделить и описывать специфику локальных культур с учетом их происхождения и взаимодействия с другими культурными типами. Исследуемым материалом послужили разновидности календарно приуроченных и окказиональных обрядовых костров и практики с разжиганием огня, бытовавшие на Русском Севере. В качестве базовой мы взяли хорошо изученную территорию Вологодского края, на которой представлены разные по социальному, культурному, этническому происхождению группы населения. При этом нами использованы как полевые материалы, так и опубликованные источники. В статье принята следующая система сносок на полевые записи, хранящиеся в личных архивах собирателей: географическое название (деревня или район), шифр собирателя и год записи.

ОБРЯДОВЫЕ КОСТРЫ: РЕГИОНАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

Разжигание обрядовых костров было широко распространено на этнотерритории русских. Костры маркировали важные периоды и даты как народного календаря (с Рождества и Масленицы до Петрова дня), так и ключевые эпизоды семейной и окказиональной обрядности. Анализ возможности вариативного развертывания акций с разжиганием огня в Вологодском крае позволяет представить репрезентативную картину данного явления. Некоторые из календарно приуроченных обрядовых костров (например масленичные) распространены здесь почти повсеместно, другие, связанные с календарной (новогодние, рождественские, пасхальные, ивановские) или семейной обрядностью (свадебные, похоронные), образуют небольшие ареалы или встречаются спорадически и, вероятно, наиболее интересны для изучения локальных традиций. Поэтому мы рассмотрим сначала те виды костров, которые встречаются редко. Отметим, что все описанные ниже формы костров и обрядовых огней, за исключением отдельно оговоренных, не имели других специальных назва-

ний, кроме общераспространенного *костер*. При обозначении этих объектов в речи обычно употребляются конструкции типа «солому / веники жгли», «клетку / груду складывали, поджигали» и т.п.

НОВОГОДНИЕ И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КОСТРЫ

Обычай зажигать костры в канун Нового года характерен для центральных районов Вологодской области. Он зафиксирован на пограничье Тотемского, Нюксенского и Тарногского районов (Нижняя Печенга, Брусенец, Бруснаволок, а также в деревнях Раменского с/с Тарн.). В этом регионе данные практики были связаны со специфическим обычаем *собираания лучины*, который представлял собой особую форму святочного колядования: дети с рифмованными приговорами обходили деревню, но вместо продуктов просили лучину (Морозов, Слепцова 2004: 275). Из нее на реке, горе или посреди деревни разводили костер, в который потом подкладывали дрова и разные горючие вещи. Эта акция символизировала завершение одного календарного периода и начало другого («Старый год жгём, Новый станем жить!» — НТКВО: 31). Разжигание костра, вероятно, имело и магические функции, которые уже не осознавались самими исполнителями обряда. Когда жгли «старый год», то костер делали небольшим, так что через него можно было легко перепрыгнуть. Затем в костер подбрасывали дрова, чтобы «повыше загорело, поярция», и прыгать через него было уже невозможно (НТКВО: 31; Соболевская 1920: 53).

Еще одна разновидность новогоднего костра была известна в д. Леваш (Тот.), там дети таскали по деревне борону, на которой разводили небольшой огонь. В д. Бобровское (Нюкс.) такой же костер парни сооружали накануне Рождества. Этим действием они «расчищали дорогу» женихам и способствовали скорейшему выходу девушек замуж (НТКВО: 32). Различные манипуляции с бороной, практиковавшиеся с матримониальной целью, известны и в других местах Вологодской обл. (Морозов, Слепцова 2004: 765), а также в соседних регионах (например, в Костромской обл. — Некрылова 1991: 443).

Сбор лучины и ее сжигание в Междуреченском районе были приурочены к кануну Рождества:

Перед Рождеством дети возьмут чунки и ходят по улице, кричат: «Дайте лучинки на игрищю!» Им подадут лучинки, дрова. Они повезут, вечером за деревней костер складываюут. Посмотришь — там тёплинка, там теплинка. Лучина сухая, так ясно горит. Говорят: «Рождество сжигать будем!» (д. Острцово. СИС 1995).

В д. Козловка собранная лучина являлась только растопкой для большого костра из срубленных елок, который жгли между деревнями. Отметим, что в этом районе огромные костры из елок устраивались также и на Масленицу (см. ниже).

Што на Рождество собирали так каледу пили [= пели], это товда, ковда маленькии дитишки и <...> помогали муцины. Собирали на ёлку. Ёлку жгли под Рождество. Не под Масленицу, как это потом стало, а под Рождество. Это подходим к Вам, к дому, с улицы кричали: «Дайте лучинки на игрищо, каледу споем, сами прочь пойдём. Дадитё не дадитё, не откáжитё!» — в комнате слышно. Вот муцина или женцина выходят, выносят то ли лаптей кучу, то ли разны корзины, коробья, <...> какой-нибудь кузов ломаный, што не нужно, мешает, для тово, штоб сторело. Это санки свои везём, што насобираэм на санки [складываем]. Што можом увезти. Свезём на положенно место, подальше от деревни. Мы ещё местечко «Катúней» называли. Между этим Вострецовым и Козловкой. Так это почти чуть не с полкилометра от деревни, от той и другой. <...> Маленькие ёлочки, маленькие. Нарубим цельный воз и привезём йих всех в костёр. Всё вместе сваливали, до кучи. <...> Взрослые ходили [смотреть]. И дети тут же играют, и взрослые приходят, смотрят, ковда она горит (МИА 1995).

Собирание и сжигание лучины, а также разных, пришедших в негодность предметов, в этой разновидности колядования по смыслу очень близко к обряду проводов и сжигания Масленицы.

ВЕСЕННИЕ (ПАСХАЛЬНЫЕ) КОСТРЫ И ОГНИ

Разжигание костров в пасхальную ночь было отмечено только в некоторых местах Вашкинского района (д. Сальниково, с. Вашки). Здесь для этого использовали смоляные бочки, которые поджигали за околицей или на перекрестке дорог. Этот обычай нередко мотивировался чисто практическими нуждами. Так, в с. Вашки жгли костры «в Христовскую ночь, потому што в Пасху всегда без луны обходится — луны нет вот, ночи тёмныэ. <...> Ну, вот там смоляные бочки жгли, жгли [для освещения] на перекрёстках» (СИС 1994). Кроме того, во время пасхальной службы могли зажигать площадки с дегтем, поставив их на полутораметровый столб напротив своей избы, или же установив на доске несколько площадок рядом с колодцем (Кулев, Кулева 2004).

В некоторых деревнях Белозерского района (Кукшинский, Антушевский и Глушковский с/с) разжигание костров не имело строгой приуроченности к определенному празднику, а было связано с гуляньями «на горушке», которые начинались, когда от снега освобождались возвышенности, и продолжались недели две-три или даже всю весну. В каждой местности существовали свои постоянные места для гуляний, на них собиралась молодежь из окрестных деревень и устраивала пляски. Вероятно, эти гулянья составляли часть обрядов, приуроченных к Красной Горке, хотя данное название праздника в этом регионе известно не было.

К комплексу пасхальных можно отнести костры, устраивавшиеся в Устюженском районе на день Жен-Мироносиц (второе воскре-

сенье после Пасхи). Этот день считался исключительно женским праздником, когда женщины собирались на улице, приносили брагу и различные продукты, из которых устраивали совместное угощение. Специфическим развлечением на этом празднестве было прыганье через костер и через кол. Причем перепрыгивать должна была каждая участница пирушки. Считалось, что если женщина собьет кол, то «для нее это очень плохо» (д. Савино Устюж. МИА 2002).

ИВАНОВСКИЕ КОСТРЫ

Обычай жечь костры на Иванов день, который широко был распространен в западных и южных регионах этнотерритории русских и у других восточнославянских народов (Толстая 1982; Тавлай 1986; Агапкина 2002), характерен только для запада Вологодской области (Вашк., Устюж. и Чагод.). В с. Вашки «в Иванов день прыгали через костры. <...> Еще когда в детстве было, ночью [прыгали через костры] по одному человеку» (СИС 1994). В д. Анисимово (Чагод.) «на Ивана мы прыгали через костер, мальчишки всё больше прыгали через костер. Другой раз сделают такой, што не перескочишь» (БСП 2002).

В Устюжском районе разжигание костров в ночь на Иванов день входило в комплекс молодежных развлечений под названием *заломáчивать*, *ломочéние*, *залáмывать*, *загораживать*, включавших в себя также обрядовое озорство и обливание водой: «Когда загоразиванье, тогда вроде жгли костёр-то» (д. Мелечино. СИС 2002).

В отдельных местностях эта традиция существовала, вероятно, в более ранний период, хотя в архивных материалах (РГО и РЭМ) подобные календарные практики не фиксируются. Молодежь во время гуляния разводила костер (*налигу*), чтобы приготовить угощение:

Вот я еще когда на Лисицине жила, ну вот девушки, которые эти, ну, невесты уж, так оне ходили на Алексеевские горы и там делали опалиху, венки... (МИА 2002).

Ср. *опалиха* ‘печеный картофель или печеная репа’ (СРНГ (23): 232).

СВАДЕБНЫЕ ПРАКТИКИ С РАЗЖИГАНИЕМ ОГНЯ

В данном обрядовом комплексе встречаются как собственно костры, так и различные символические акции с разжиганием огня. Некоторые из них находят аналогии в других обрядовых сферах, в том числе и в обрядовых кострах, т.е. в ряде случаев являются их редуцированной формой. Разжигание костров в свадебной обрядности встречается крайне редко. Например, в д. Машковская (Верхов.) «жгли девишник» — пожилые женщины из деревни невесты во время свадьбы поджигали сноп соломы возле ее дома (МИА 1990). На свадьбе у вепсов, проживавших в Вытегорском районе (д. Удина Гора, Пёлкаска, Сюрга, Тукшозеро), также поджигали сноп соломы, бочку из-под смолы или кошель

с сеном, когда встречали молодых, ехавших «после записи к жениху до-мой» (МИА 1990).

Смысл этого действия становится ясен при сравнении его с молодежными гаданиями и забавами с поджиганием тех или иных предметов, в основном кудели. Эти развлечения чаще всего имели брачную символику (Морозов, Слепцова 2004: 368–373, 730–732). В некоторых деревнях Никольского района просватанной девушке на посиделках, с которых ее уводили на рукобитье, поджигали кудель. Выражение «У нее уже кудель сожгли!» означало, что девушка просватана. Подобный обычай существовал и в Устюженском районе, только он был приурочен к беседе, которую устраивала молодая вскоре после свадьбы. В д. Подольское «я вышла если замуж, значит и... сойду последний вечер, сожгут куделю. <...> В последний вечер придёшь, и всё» (СИС 2002). В этой местности данная традиция наблюдалась еще в середине XIX в. Описывая свадьбу купцов и мещан г. Устюжны, В. Делекторский отмечал, что «во время Великого поста каждый из родственников молодой делает у себя беседу, на которую женщины приходят с прялками и шитьем, <...> дурачатся, сжигая друг у друга куделю» (Делекторский 1851: 864). Этот обычай символизировал переход девушки-невесты в социовозрастную группу замужних женщин. На уровне языковой символики (*овин сжигать* — ср. Гура 2012: 669) данная практика присутствует также в святочном комплексе развлечений под названием «женитьба», участники которой перепрыгивали через сложенные «клеткой» поленья, внутри которых поджигали лучину (Морозов, Слепцова 2004: 393–394).

ПРАКТИКИ С РАЗЖИГАНИЕМ ОГНЯ В ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ

Для похоронной обрядности Вологодского края разжигание костров не характерно. Вместе с тем в структуре похоронного обряда существовали различные практики, связанные с «нейтрализацией» мертвеца (Седакова 2004). К ним, в частности, можно отнести уничтожение одежды умершего и его постели (д. Сидорово Устюж., д. Акинино Белоз.). Такой же обычай существовал и в д. Пленишник и Глинское (Череп.) (Кулев, Балакшина 2000). В Кадниковском уезде жгли солому, на которой обмывали покойного, кроме того, считалось необходимым сжечь щепки и стружки от гроба, чтобы не спровоцировать появления нового покойника (Иваницкий 1890: 115). В с. Ивановское (Белоз.) устраивали костер из стружек, оставшихся после изготовления гроба, на поле, когда покойного несли хоронить. По дыму от костра судили о будущем:

Дак это ранше родителей провожают да жгут. Тожо на деревню, говорят, дым, дак это худо. <...> Говорят, куды уж ветер подуэж, так там родитель будэж (СИС 1999).

Аналогичные поверья существовали и относительно дыма от маслянистого костра (см. ниже). В целом, на символическом уровне это сравнимо с календарными кострами (Масленица, Пасха, Иванов день / Иван Купала, Троица).

ПРАКТИКИ С РАЗЖИГАНИЕМ ОГНЯ В ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Разжигание костров, не входивших в состав календарной или семейной обрядности, было связано с уничтожением льняных отходов (*костры, костницы*). Необрядовые формы сжигания или иные способы избавления от отходов обработки льна (бросали в болото, использовали для подстилки в хлеву и т.п.) были распространены повсеместно. Но на востоке области у русского населения зафиксированы обрядовые способы уничтожения *костницы*. В Кичменгско-Городецком районе осенью после мятья льна дети поджигали на поле «костницу», сложенную в кучу (*бабку*). Когда костер догорал, они убегали с криком: «Куляши бежат! Куляши бежат!» — и считали, что за ними гонятся *куляши* (д. Татариново). Поскольку в диалектах это слово имело значение ‘нечистый дух, бес’, то можно сделать вывод, что дети убегали от нечисти. В некоторых деревнях (д. Трубовщина, Крадихино, Колоотовщина) били по кострищу длинными палками, поднимая сноп искр (Морозов, Слепцова 2004: 341).

В Великоустюгском районе (д. Богородская) сжигание «костницы» было приурочено к осеннему Александрову дню. После обработки льна все остатки складывали на поле в костер, а также изготавливали из них факелы. Костер поджигали и постоянно ворошили его палками, так как «костница» горела плохо, а с факелами бегали вокруг костра (СИС 2000).

Подобные акции были отмечены в прошлом также в Тотемском уезде. Молодежь подбрасывала сверху горящую «костницу», и когда вспыхивало большое пламя с кошной искрой, кричала: «Кикимора на бабуку! Кикимора на бабуку!» Считалось, что после этого можно не бояться пожара от искры (Данилов 1916: 119). Данную акцию можно рассматривать в общем контексте практик избавления и выпроваживания, часто связанных с использованием огня как очистительного средства.

Аналогичный обряд бытовал у вепсов, проживающих в пограничных районах Вологодской и Ленинградской областей. Здесь подбрасывание горячей «костницы» или перепрыгивание через нее имело продуцирующий смысл. Эти действия должны были способствовать росту льна: «пусть в новом году такой вышины лен вырастет!» (Винокурова 1994: 32–33).

Обзор редко встречающихся на территории Вологодского края обычаев, связанных с разжиганием огня, позволяет увидеть следующие закономерности. Разжигание костров как в календарной и семейной, так и в окказиональной обрядности явно тяготеет к западу данной территории. Исключение составляют новогодние огни, которые более характерны для небольшого ареала в центре области. Сва-

дебные огни спорадически встречаются в далеко отстоящих друг от друга районах (Устюж., Верхов., Ник.), и данные акции в каждом конкретном случае требуют отдельного исследования.

МАСЛЕНИЧНЫЕ КОСТРЫ: РЕГИОНАЛЬНОЕ НА ОБЩЕРУССКОМ ФОНЕ

Рассмотрим теперь другую группу фактов, которые помогают нам при выделении локальных особенностей общерусской традиции и дают возможность более тщательного исследования закономерностей трансформационных процессов на макроуровне. Предметом анализа будет наиболее распространенный тип календарно приуроченных костров — масленичный. В качестве базовой снова возьмем вологодскую традицию и сравним присущие ей региональные особенности с общерусским фоном. Масленичные костры позволяют провести анализ такого типа, поскольку они в той или иной форме характерны для всех территориальных групп русских, за исключением крайнего севера Европейской части России (Бернштам 2009: 170–171). Отметим, что это не отменяет наличия локальных разновидностей рассматриваемых обычаев. Нас в данном случае будет интересовать проблема членимости культурного пространства на уровне «общерусское» — «региональное».

Масленичные огни были известны практически на всей территории Вологодчины, за исключением Северного Белозерья (Вашк., Вытег.). Нетипичны они и для вепсов (Винокурова 1994: 54). Сравнительно редко этот обычай встречался в Присухонье (южная часть Тотемского, Нюксеницкий и Великоустюгский районы), а также в Тарногском и Верховажском районах. В целом масленичные костры более характерны для западных, центральных и южных районов Вологодчины.

Помимо обычного (*костёр*), масленичные костры имели и специфические названия: *бабка*, *тёплина*, *палига* — Устюж., *пожог* — Белоз., Волог., *грудка* — Вожег., Хар., Сямж., *таган* — Гряз. Наряду с этим они практически повсеместно именовались и по названию праздника: *масленица*, *масленка*, т.е. этот признак не может рассматриваться в качестве дифференцирующего при выделении локальных разновидностей этой масленичной традиции.

Сжигание «масленицы» чаще всего устраивалось в Прощёное воскресенье, а в некоторых деревнях Кирилловского, Белозерского, Харовского, Сямженского, Тотемского, Бабушкинского, Тарногского, Никольского районов — в Чистый понедельник. Иногда встречается приуроченность разжигания костра к началу масленичной недели (д. Ярцево Устюж.: Кулев, Кулева 2004).

Изучение имеющихся в нашем распоряжении описаний сжигания «масленицы» дает возможность выделить несколько вариантов этого ритуала: сожжение собственно костров (1), шеста, с укрепленным на нем горючим материалом (2), чучела (3), факелов (4) и другие более

редкие варианты. Причем практически повсеместно сосуществовали два, три или даже четыре типа. Например, костер могли складывать вокруг высокого шеста, наверх костра могли ставить чучело и одновременно бегать вокруг костра с горящими факелами.

ФОРМЫ И МАТЕРИАЛ МАСЛЕНИЧНОГО КОСТРА

Морфология форм масленичных костров в Вологодском крае достаточно разнообразна. Здесь распространены как простейшие их конструкции в виде груды или копны, т.е. сваленного беспорядочно горячего материала, так и более сложные их виды — *клетки*, *поленницы*, сложенные в виде куба, параллелепипеда или конуса. Повсеместно для костра собирали различный мусор, сломанные вещи, орудия труда, хворост, солому, веники, дрова и т.п. В некоторых местах сжигали остатки от трепания льна (Гряз., Сямж.). Как правило, этим занимались дети и подростки или молодежь, обходя с санками дома и выпрашивая (или воруя) у хозяев все необходимое для костра. Иногда костры были очень большими — из нескольких возов горячего материала, который свозили на место сжигания «масленицы» в течение месяца или даже дольше. Такой костер горел один-два дня. Иногда «масленица» состояла только из груды соломы, которая прогорала очень быстро (д. Дружинино Хар.). Размер костра зависел от количества жителей деревни, на хуторах они были, естественно, меньше. Могли бросать в костер детские санки и их местную разновидность — *коньки*. Иногда подростки крали у хозяев для костра и настоящие сани. В Междуреченском районе нередко устраивали огромные костры, основу которых составляли до десяти елок, поставленных шатром, внутрь которых клали солому и прочий хлам. Причем в с. Старое (Межд.) такое сооружение ставили над прорубью для полоскания белья. В некоторых местах костер состоял только из смоляной или дегтярной бочки (Мосеевский и Матвеевский с/с Тот., Вожег.). Бочку обматывали соломой, тряпьем или старыми, обтрепанными вениками, складывали в нее «костру́», оставшуюся от трепания льна, и разный мелкий хлам. Бочку могли поднимать на высоком шесте или же ставить одна на другую несколько бочек. Варианты со сжиганием смоляной или дегтярной бочки близки к «чучелу» (см. ниже). В восточных районах, где на Масленицу часто устраивали специальные горки для катания — *катушки*, *городки*, использовали для костров бревна и поленницы, из которых они были сложены. Иногда поджигали и сами городки.

Довольно часто костер складывали вокруг высокого шеста, который служил его основой. В д. Суходворская (Тарн.) столб для устройства костра вкапывали на горе еще с осени. В некоторых деревнях Череповецкого, Вологодского, Междуреченского районов на вбитый в землю кол надевали просмоленный бочонок, корзину или привязывали кудель, сено, солому. В Грязовецком районе, где масленичный костер часто представлял собой четырехугольную «клетку», внутри

ее ставили высокую жердь с наверхием из соломы, пакли, корзинки или старой шапки. Эта деталь напоминала голову, что сближает данную форму костра с чучелом.

Отдельно от костра шест использовали редко. Так, сжигали поднятые на шест веники, солому, смоляные колеса, бочки или какие-либо другие горючие предметы. Этот обычай фиксировался в северных районах области (Вожег., Верхов., Тарн., Тот.), а также спорадически в других районах (Устюж., Кирил., Череп., Волог., Сямж.). Порой шест использовали как основу, на которую нанизывали или к которой привязывали разный горючий хлам.

Вышеописанные конструкции часто дополнялись антропоморфным изображением — чучелом. Сжигание чучела отмечено практически во всем ареале масленичных костров (Череп., Устюж., Белоз., Кирил., У.-Куб., Хар., Вожег., Сямж., Гряз., Межд., Бабуш., Тот., В.-Уст., Ник.). Чучело являлось олицетворением праздника и называлось *Масленицей*, изредка *Масляной бабой* (д. Лукьянцево Устюж.). В д. Волохтома (Кирил.) «большую куклу из соломы, одетую в старое женское платье — “кикимору”» сжигали в воскресенье на костре на берегу реки (Супинский 1948: 15).

Для изготовления чучела использовали ржаной сноп, который надевали на палку, другой палкой, изображавшей «руки», протыкали сноп в верхней части. Конец снопа обматывали тряпкой, имитируя голову. Нередко чучело наряжали в старую женскую одежду и «обвешивали» банными вениками. Если соломы собирали много и чучело получалось объемным, тогда его просто ставили на землю, а не укрепляли на шесте. Чучело обычно устанавливали на верхушке костра или обкладывали его вокруг горючим материалом и сжигали. Реже поджигали только одно чучело. Иногда горящее чучело, поставив в деревянное корыто, провозили по деревне (д. Дивково Кирил.).

Наряду с устройством костров было широко распространено изготовление факелов. В начале XX в. носили на шесте по деревне какую-либо зажженную посудину или солому (РК: 582, Кадн.). В Харовском и Сямженском районах их преимущественно делали из надетых на палки старых лаптей (*ступней*), с ними дети бегали около костра. Если же при «проводах Маслены» большого костра не устраивали, то дети цепочкой бегали с зажженными «ступнями» по деревне, тыкали ими в окна и кричали: «Масленица горит!» Аналогичные формы «проводов Масленицы» существовали и в некоторых деревнях Междуреченского района.

Возьмут батожок да ево окрутят, подожгут эти отрешья да бегают по деревне. Вот тебе и масленица! (д. Жидовиново. СИС 1995).

С факелами могли не только бегать по деревне, но и скатываться с ними с горы на санях. В с. Кумзеро (Хар.) так провожали Масленицу:

всю ночь катались с горы с горящими ступнями, насаженными на колья, иногда составляя поезд из 10–12 саней; на середине горы, немного в стороне от ската, разжигали костер из дров — *масленицу* и, когда он прогорал, проезжали напоследок через костреще.

В западных районах (Бабаев., Устюж., Череп.) при подготовке *масленицы*-костра изготавливали также и факелы, с которыми бегали по деревне. В д. Гора (Устюж.), где общего костра не устраивали, «масленицу жгли» на горюшке рядом с качелями. Веники, сноп соломы, тресту (льняные отходы) и т.п. закрепляли на шестах и поджигали. Подростки «каждый со своим веником бежит, со своим снопом. Каждый на палку да подымал вот это. Глядишь — везде горят в других-то деревнях» (СИС 2002).

В качестве сложной формы, сочетающей черты костра (материал) и факела (мобильность), можно рассматривать обычай «таскать по всей деревне» небольшие костерки, которые раскладывали на санках в смоляной бочке или корзине. В д. Арганово (Сямж.) ведро с горячей «костицей» или лучиной ставили на сани, на которых был укреплен ткацкий стан, и везли через деревню на поле. Там тлеющую «костицу» высыпали на большой костер — «жгли гладку масленицу». В д. Искрино (Белоз.) после того, как на место «проводов Масленицы» свезли несколько возов веников, кузовов, дров, последние дровни поджигали и провозили через всю деревню. Такие варианты «проводов Масленицы» также были характерны для ряда деревень центральных (Сямж., Тот.) и западных (Чагод., Белоз., Кирил.) районов. Здесь же с небольшим костерком могли скатываться на санях с горы.

СИМВОЛИКА И СЕМАНТИКА КОСТРОВ, ГОЛОВЕШЕК, ДЫМА

С масленичным костром связан сложный семантический комплекс, в котором исследователи выделяют очистительный, апотропеический, продуцирующий и другие смыслы (Пропп 1963; Соколова 1978; Агапкина 2002 и др.). При общерусской (и в некоторых случаях общеславянской) семантике масленичных костров, характерной для всего исследуемого региона, некоторые локальные традиции демонстрируют определенную специфику. Локальная специфика может отражаться в специальных языковых выражениях и клише, описывающих те или иные акции с разжиганием огня и отсылающие к определенным смыслам, хорошо известным представителям данной локальной традиции. Например, в Пунеме (Хар.) говорили, что на Масленицу «“охаратки собирали”, т.е. все самое негодное» (КОВ 1991). *Охаратками* называли остатки, рухлядь (СРНГ (25): 26, 46; Морозов, Слепцова 2004: 294–299). В д. Енино (Белоз.) в Чистый понедельник «косточки жгли» — веники, солому, лапник, дрова. Хотя семантика костей достаточно сложна и многоаспектна (Белова, Толстая 1999: 627–631), в данном случае, вероятно, актуализируется представление о костях как о ненужных остат-

ках (ср. поговорку «пришли гости глодать кости») или как об объектах, связанных с потусторонним миром, контакт с которым мог быть опасен для людей. Тот же смысл имел обычай сжигать в масленичном костре вещи, оставшиеся от покойного. В д. Огibalово (Хар.) «после покойника вещи сжигали, на “масленицу” всякую одежду вешали» (КОВ 1991).

В д. Лентьево (Устюж.) в костре сжигали небольших кукол, изготовленных из тряпья.

Все поленья наберут — жгут «масленицу». Наберут веников набирают, сходят просят оне. <...> В поле всё жгли. Да это: «Бабка горит!» Да вот разное, прибаутки тоже. Бабку вот и жгли, это самое. Туды бросали разны куклы вот такие, самодельныи, в костер. «Гори, бабка!» <...> Куклы да и всё, «бабкой» и называли большинство. Вот так. Рукав отрежут, запехнёт, забьёт там сена или соломы, боже мой. Десяток-другой бросают — кому не лень. Приходят, прибегают и: “Тори-гори, масленица! Гори, не погасни!» Вот такие прибаутки (СИС 2002).

Локальный характер в границах Вологодского края имел обычай сжигать в костре молоко или остатки скоромной пищи. Этот обычай был наиболее распространен в Грязовецком районе, хотя встречался и в западных районах (Череп., Устюж.). Еще одной символической акцией, говорящей о наступлении поста, было осмеивание девушек, не вышедших замуж в прошедший брачный период. В д. Ефаново (Гряз.) у масленичного костра пожилые женщины кричали девушкам, не вышедшим замуж во время зимнего мясоеда:

«Оставайся жопа на год, оставайся жопа год!» Год нельзя выходить-то, Масленица последняя, надо до промёжговинья [выходить]» (СИС 1997).

Акция сжигания «масленицы» могла осмысляться как поминовение предков — *родителей*, поэтому считалось невозможным отказать детям, собирающим дрова для костра. «Не отказывали, раз надо помнить ведь родителей-то» (д. Бородино Устюж.) (Кулев, Кулева 2004). В этой связи понятно, почему дым от масленичного костра называли *Афониной бородой* (д. Еремиха Сямж. ССН 1991). Это наименование близко к эвфемистическим обозначениям мертвеца и к названиям некоторых персонажей ряженья (Ивлева 1994: 69). Показательно поведение собравшихся на проводы Масленицы во время разжигания костра.

Сначала молча стояли, не знаю почему, а потом веселились. Все вот так вставали вокруг и вот так молча стояли. Розгоралось когда, ждали молча (д. Лукьянцево Устюж. СИС 2002).

Молчание при совершении тех или иных действий свидетельствует о соотношении их со смертью и сферой потустороннего, является

признаком, обозначающим «почитание / сакрализацию покойного» (Невская 1999: 126; Агапкина 2004: 292). В д. Вениц (Устюж.) во время проводов Масленицы

...тут все: молодые и старые приходили прощаться на тёплину с этим, со своими покойниками. Со всеми прощались, своих родителей они поминают. Вот придут да поклоняцца три разка [костру], да перекрестяцца да и пойдут домой (СИС 2002).

В д. Демцыно (Устюж.) «прощались с родителями» (т.е. кланялись три раза и произносили молитву), выходя после сжигания *масленки* на дорогу, ведущую к кладбищу (БСП 2002). Такой же смысл имел обычай жечь костер-*масленку* обязательно на дороге к кладбищу (д. Бородино Устюж. Кулев, Кулева 2004). К числу поминальных обычаев, исполняемых при проводах Масленицы, можно отнести также сжигание старых лаптей, особенно распространенное в центральных районах.

Стимулирующее влияние, которое приписывалось масленичному костру, отразилось в ряде акций. Поскольку считалось, что от вышины пламени зависит будущий урожай, старались сделать его как можно более высоким.

Чем «масленица» бу[д]эт лучче гореть, тем больше бу[д]эт урожая. Вот мы и старались урожай делать (д. Гряда Устюж. СИС 2002).

Эту же цель имело и перепрыгивание через костер.

Через нее надо скакать, говорят, штобы вторая Масленица лучше этой была, как перескочишь эту. На следующий год. Девушки с парнями, с парнями [скакали] (д. Дягилёво Хар. СИС 1991).

К продуцирующим действиям относится и разбрасывание по полю головешек от масленичного костра (см. Пропп 1963: 73), хотя это никак не мотивировалось (д. Сидорово Устюж.). В обобщенном виде представление о пользе соприкосновения с масленичным огнем отразилось в предписании, что надо «прыгать через костер — будет тогда счастье» (д. Огилалово Хар. КОВ 1991).

Таким образом, представленные выше разновидности обрядовых огней могут служить как маркерами локальной традиции, так и устойчивым признаком ее принадлежности к большим культурно-историческим зонам или группам населения. Для рассматриваемого нами региона (Вологодская область) описанные формы являются маркерами локальных традиций, имеющих достаточно ограниченное территори-

альное распространение и связанных с этнокультурным и этноисторическим своеобразием отдельных групп населения. Если говорить о регионе в целом, то совокупность данных вариантов отражает его культурную специфику и позволяет производить сравнительный анализ на региональном уровне, т.е. сопоставлять «вологодский», «смоленский» и «рязанский» типы, не принимая во внимание тот факт, что отдельные признаки этих региональных типов культуры будут взаимно пересекаться. Совсем иные функции локальные типы будут иметь при описании культурных ареалов на общерусском пространстве. В этом случае нам будут не важны региональные различия, а следовательно, локальные признаки будут маркерами «больших» культурных общностей (западно-, южно- или севернорусской — с возможными градациями). Заметим, что локальные и региональные признаки представляют собой разные этапы и разные уровни развития традиционной культуры. Развиваясь параллельно, они взаимодополняют друг друга.

Анализ практики разжигания обрядовых огней на территории Вологодского края позволяет выделить четыре большие локальные культурные общности, в границах которых, при детальном рассмотрении, выявляются более мелкие локальные традиции, например, в рамках одного или нескольких сельсоветов или поселенческого куста деревень.

Западная зона (Бабаев., Устюж., Кадуи., Череп., Белоз., Кирил.) характеризуется наибольшим разнообразием форм и наибольшей плотностью распространения обрядовых огней. Здесь представлены как масленичные, так и пасхальные, ивановские, свадебные и похоронные костры. В этой зоне также наиболее многообразна семантика и символика костров. В *центральной и южной зоне* (Вожег., Верхов., Хар., Волог., Сок., Межд., Гряз.) устройство костров на Масленицу также широко распространено. *Северо-западная зона* (Вашк., Вытег.) характеризуется практически полным отсутствием масленичных костров и единичными фактами устройства весенних и свадебных. В *восточной зоне* (Ник., Алекс., В.-Уст., Кич.-Гор., Тарн., Нюкс., Бабуш., Тот.) обычай также наблюдается сравнительно редко. Здесь лучше зафиксированы новогодние, окказиональные и свадебные костры.

Безусловно, в каждой из обозначенных зон существует смешение особенностей, что связано как с внутренними перемещениями населения, так и с унификацией празднично-игровых форм под влиянием культпросвет работы и средств массовой информации. Например, празднование Масленицы, особенно проводимое в городах и центрах сельских администраций, стало, как правило, включать сожжение чучела, даже если это и не было характерно для данной местности.

Говоря о комплексе представлений, символика и семантика которых относится к общерусской традиции, можно отметить акции, связанные с символикой выпроваживания, очищения, избавления, а также имеющие продуцирующее значение. Локальной специфи-

кой можно считать акцентирование акций, имеющих поминальную символику, и магических практик, относящихся к матримониальной сфере.

Интересно сопоставить полученные результаты с исследованиями других форм народной культуры. Анализ композиции свадебного действия на территории Вологодского края позволяет увидеть, что локальной спецификой обладают обряды, бытовавшие в центральных и восточных (Ник.) районах (Гура 1978: 80, 81, 85). Еще более продуктивным оказывается сравнение с явлениями, относящимися к области материальной культуры. На основе изучения географического распространения сюжетов вышивки выделяются три ареала. Первый из них — Белозерский — охватывает территорию бывших Белозерского, Кирилловского и Устюженского уездов Новгородской губернии. Второй культурный ареал — это земли по Северной Двине и верховьям Юга, т.е. Сольвычегодский и Никольский уезды Вологодской губернии. И третий ареал — Тотемский, который охватывает земли по р. Кокшеньга и ее притоку р. Уфтьюгу в пределах северо-восточной части Тотемского уезда (Шангина 2004: 776–784). Определенное совпадение обозначенных нами зон наблюдается и с областями распространения росписей по дереву (Шелег 1992: 143–144), а также с некоторыми видами женской одежды (Слепцова 2004: 346–366).

Литература

Агапкина 2002 — Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Агапкина 2004 — Агапкина Т.А. Молчание // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 292–296.

Белова, Толстая 1999 — Белова О.В., Толстая С.М. Кости // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 627–631.

Бернштам 2009 — Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2009.

Винокурова 1994 — Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1994.

Гура 1978 — Гура А.В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.) // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978.

Гура 2012 — Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.

Данилов 1916 — Данилов В. Работы по этнографии в учительских институтах и семинариях // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 8. Отд. 3. С. 113–126.

Делекторский 1851 — Делекторский В. Устюженские свадебные обряды. Рукопись. 1851 // Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива ИРГО. Вып. 2. СПб., 1914. С. 863–864.

Иваницкий 1890 — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии (Известия ОЛЕАЭ. Т. 69. Вып. 1). М., 1890.

Ивлева 1994 — *Ивлева Л. М.* Рязение в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

Корепова 2009 — *Корепова К. Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009.

Кулев, Кулева 2004 — Календарные обряды и фольклор Устюженского района / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Кулева. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2004. (Цит. по: <http://cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/ustujna/ustujna1.htm>).

Кулев, Балакшина 2000 — Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. Вологда, 2000. (Цит. по: http://cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/cerep_99/therep99_pohoron_sodergan.htm).

Морозов 2015 — *Морозов И. А.* Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 5–14.

Морозов, Слепцова 2004 — *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.

Невская 1999 — *Невская Л. Г.* Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 123–134.

Некрылова 1991 — *Некрылова А. Ф.* Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1991.

НТКВО — Народная традиционная культура Вологодской области / Сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Вологда, 2005.

Прош 1963 — *Прош В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.

Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Региональное / локальное начало в фольклоре // Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 144–153.

РК — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007.

Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

Слепцова 2004 — *Слепцова И. С.* Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 346–366.

Слепцова 2015 — *Слепцова И. С.* Индивидуально-личностные факторы формирования и трансформации локальных культур и традиций // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 26–36.

Соболевская 1920 — *Соболевская В. М.* Очерки быта кокшаров и присухонских крестьян. Рукопись. 1920 г. (Государственный архив Вологодской области. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144).

Соколова 1978 — *Соколова В. К.* Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 48–70.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и др. Вып. 1–. М.; Л. /СПб., 1965–.

Супинский 1948 — *Супинский А. К.* Жизнь молодежи, обрядовые игры, детские игры севернорусской деревни. Рукопись. 1948 г. (Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. 5. Колл. 148. Папка 1. № 3).

Тавлай 1986 — *Тавлай Г. В.* Белорусское купалье. Минск, 1986.

Толстая 1982 — *Толстая С. М.* Вариативность формальной структуры обряда (Купала и Морена) // Труды по знаковым системам. Т. 15. Тарту, 1982. С. 72–89.

Черных 2007 — *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Ч. 2. Зима. Пермь, 2007.

Шангина 2004 — *Шангина И. И.* Вышивка Вологодского края // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 756–786.

Шелег 1992 — *Шелег В. А.* Крестьянские росписи Севера // Русский Север: Арёалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 127–147.

Шифры собирателей

БСП — С. П. Бушкевич

КОВ — О. В. Кириченко

МИА — И. А. Морозов

СИС — И. С. Слепцова

ССН — С. Н. Смольников

Список сокращений географических названий

Бабаев. — Бабаевский р-н

Бабуш. — Бабушкинский р-н

Белоз. — Белозерский р-н

Вашк. — Вашкинский р-н

В.-Уст. — Велико-Устюгский р-н и уезд

Верхов. — Верховажский р-н

Вожег. — Вожегодский р-н

Волог. — Вологодский р-н и уезд

Вытег. — Вытегорский р-н и уезд

Гряз. — Грязовецкий р-н и уезд.

Кадн. — Кадниковский уезд

Кадуи. — Кадуи́йский р-н

Кирил. — Кирилловский р-н

Кич.-Гор. — Кичменгско-Городецкий р-н

Межд. — Междуреченский р-н

Ник. — Никольский р-н и уезд

Нюкс. — Нюксенский р-н

Сок. — Сокольский р-н

Сямж. — Сямженский р-н

Тарн. — Тарногский р-н

Тот. — Тотемский р-н и уезд

У-Куб. — Усть-Кубинский р-н

Устюж. — Устюженский р-н и уезд

Хар. — Харовский р-н

Чагод. — Чагодощенский р-н

Череп. — Череповецкий р-н и уезд

Шекс. — Шекснинский р-н